

«...Эх, я и не заметила, как снова написала так много. Ты даже не представляешь, каждый раз, когда я отправляю письмо, мне приходится добавлять ещё одну марку, потому что письмо оказывается перевешенным. Это всё из-за того, что я хочу рассказать тебе так много, а эти тонкие листочки бумаги просто не могут вместить всё.»

«...Ладно, действительно пора прощаться. Не знаю, когда смогу написать тебе следующее письмо, но ты ни в коем случае не забывай меня, а то я заплачу!»

«...И последнее, последнее слово: Сиси, я так скучаю по тебе и дяде Ся! Любящая тебя До До.»

Юй Айвэй уже давно привыкла к своему нынешнему имени, но перед Ся Си она всегда называла себя До До. Раньше она думала, что Юй До означает «лишняя», но Ся Си объяснила ей, что это значит «рыбы много». Ведь на Новый год принято желать «каждый год с рыбой», и Ся Си тоже хотела, чтобы каждый год был «с избытком».

Ся Си ещё не успела получить письмо, но собеседование уже было на носу. Оно было назначено на пятницу, и она взяла выходной. Так как она всегда хорошо себя проявляла, учитель без проблем разрешил.

В пятницу утром в шесть часов Ся Си уже была готова и ждала, когда Чжао Ган приедет за ней на машине. Она была в самом расцвете сил, тщательно следила за питанием, поэтому её кожа была в идеальном состоянии. Она лишь слегка подправила брови, чтобы выглядеть мягче. Одежда была простой: футболка и джинсы, что придавало ей молодой и свежий вид.

Машина Чжао Гана быстро подъехала, и Ся Си села на заднее сиденье. Это была четырёхместная машина, и кроме водителя и Чжао Гана, в ней сидела ещё одна девушка.

Девушка была одета модно и, увидев Ся Си, внимательно её осмотрела, затем с пренебрежением отвернулась и ласково обратилась к Чжао Гану:

— Дядя.

Чжао Ган с улыбкой представил их:

— Ся Си, это моя племянница Чжао Цяньцян, она в этом году заканчивает школу, на несколько лет старше тебя. Цяньцян, это Ся Си, очень талантливая девочка, тебе стоит поучиться у неё актёрскому мастерству.

Обычно, когда старшие представляют друг другу молодёжь, они слегка принижают своих и хвалят чужих, чтобы создать атмосферу взаимной вежливости.

Но Чжао Цяньцян лишь фыркнула, выражая своё несогласие. Учиться у неё? Даже не нарисовалась перед собеседованием, как будто это детская игра! Чжао Цяньцян ни за что не призналась бы, что Ся Си выглядела красиво даже без макияжа.

Чжао Ган слегка нахмурился. Его племянница была ни то ни сё: не могла учиться, не могла играть, всегда играла одну и ту же роль. И при этом считала себя великой актрисой.

Он сам был виноват: когда он впервые привёл Чжао Цяньцян на съёмочную площадку, он сразу сказал, что она его племянница, и все стали её баловать.

На этот раз он хотел, чтобы его наставник помог ему сбить с неё спесь, чтобы она поняла, что есть люди лучше неё.

Ся Си, естественно, не обратила внимания на её отношение. Молодёжь всегда полна амбиций, и слышать, что кто-то лучше тебя, неприятно. Она начала задавать Чжао Гану вопросы о сценарии, чтобы разрядить обстановку.

Чжао Цяньцянъ же достала косметичку и начала поправлять макияж перед зеркалом.

Час езды пролетел быстро. Машина съехала с шоссе, затем повернула на грунтовую дорогу.

В апреле погода была дождливой, и дорога, размокшая от дождя, выглядела скользкой и грязной. Если бы кто-то пошёл по ней, то непременно испачкал бы ноги.

Машина оставила глубокие следы на дороге, и путь стал ухабистым. Чжао Цяньцянъ, сидевшая на переднем сиденье, с отвращением смотрела на всё вокруг. Она ненавидела такие деревенские места.

Дождь постепенно прекратился, и вскоре машина остановилась у ворот небольшого двора. Перед ними была старинная деревня. Ведь фильм «Весенняя трава» снимался в сельской местности, так что снимать его в городе было бы невозможно!

Ся Си открыла дверь машины, осторожно ступила на более сухое место и стала ждать Чжао Гана и остальных.

Чжао Ган без проблем вышел из машины, лишь немного испачкав подошву обуви. Он подошёл к камню, потер об него ногу и затем вернулся к Ся Си.

Увидев, что Чжао Цяньцянъ не торопится выходить, Чжао Ган позвал:

— Цяньцянъ, быстрее выходи, нам пора заходить.

Водитель уже открыл ей дверь, но она сидела, как вкопанная, с отвращением глядя на грязь под ногами. На ней были тонкие туфли на высоком каблуке, и она знала, что они непременно испачкаются.

Когда водитель подложил под ноги доску, Чжао Цяньцянъ с недовольством сказала:

— Зачем выбрали такое место, просто ужас!

Наконец, она нехотя вышла.

Чжао Ган, видя, что она всё-таки вышла, не стал больше ничего говорить, чтобы не смущать её, и повёл всех внутрь.

Это был обычный двор, но необычным было то, что в нём было много людей с различными инструментами в руках, видимо, готовивших декорации.

Ся Си наконец почувствовала что-то знакомое. Честно говоря, она проводила больше времени на съёмочной площадке, чем дома, поэтому это место вызывало у неё чувство тепла.

Кто-то поздоровался с Чжао Ганом и указал ему путь в самую большую комнату:

— Режиссёр Чжао, вы приехали, режиссёр Ли ждёт вас внутри!

Чжао Ган с улыбкой обменялся несколькими словами с ним, а затем повёл Ся Си и Чжао Цяньцянъ внутрь.

Хотя это была большая комната, внутри была перегородка, разделяющая её на две части. Чжао Ган сказал:

— Подождите здесь, я сначала зайду поздороваться.

Как только Чжао Ган ушёл, Чжао Цяньцян перестала сдерживаться. Она посмотрела на Ся Си и сказала:

— Эй, протри мне этот стул. В этом ужасном месте даже чистого уголка не найти.

Ся Си посмотрела на неё, но не пошевелилась.

— Ты что, глухая? Я сказала, протри стул!

— Сама не можешь протереть?

— На мне длинное платье, если я присяду, оно запачкается. Если бы не мой дядя, ты бы даже не оказалась здесь, так что сделай то, что я прошу!

Ся Си была в недоумении. Она думала, что эта девочка просто немного амбициозна, но теперь поняла, что она ведёт себя как избалованный ребёнок, которому нужно преподать урок.

Чжао Цяньцян смотрела на Ся Си с гневом. Ся Си же спокойно смотрела на неё, не проявляя страха.

В этот момент вышел Чжао Ган. Он не заметил напряжённой атмосферы между ними и торопливо сказал:

— Быстрее заходите, мой наставник хочет вас видеть!

Чжао Цяньцян, услышав его, сразу смягчилась и спокойно последовала за Чжао Ганом, а Ся Си медленно шла за ней.

Войдя внутрь, Ся Си услышала строгий голос:

— Это та, кого ты рекомендовал на роль Весенней травы?

Ся Си подняла голову и была шокирована. Перед ней сидел сам режиссёр Ли Пин! Это была легенда китайского кинематографа, получившая «Пожизненную награду за художественные достижения». Каждый его фильм был классикой, и его работы часто появлялись в экзаменационных вопросах для абитуриентов.

Он был наставником Чжао Гана? Почему в прошлой жизни она об этом не слышала?

Неужели его фильмы тоже не проходили цензуру?

Нет, Ся Си сузила глаза. Она дебютировала в 16 лет, а значит, на следующий год Ли Пин умрёт.

Теперь всё стало ясно. Говорили, что он провёл в больнице почти полгода перед смертью, значит, в этом году он заболеет. Фильм «Весенняя трава», видимо, не будет завершён...

Жаль, что она не знала, от какой болезни умер Ли Пин. Возможно, если бы его лечили раньше, он бы выжил?

Чжао Ган, видя, что Ся Си отвлеклась, слегка покачал головой. Что с ней? Как она могла отвлечься в такой важный момент? Чжао Цяньцян уже представилась, а она всё ещё не реагирует.

— Кхм-кхм!

Ся Си очнулась и вдруг поняла, что все смотрят на неё. Особенно Чжао Цяньцян, в глазах которой читалось торжество.

Режиссёр Ли Пин был недоволен. Он всегда был очень строг в своих делах, а эта девочка, едва войдя...

<http://bllate.org/book/16467/1495182>